

Д. А. Дегтерев¹ОТ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» К СУВЕРЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКЕ
НЕЗАПАДНОГО МИРА: РОЛЬ БРИКС

Одним из инструментов гегемонии коллективного Запада является контроль над «механизмами формирования и распространения знаний» — так называемой четвертой структурной властью первого уровня по Сюзан Стрэндж, основателю международной политической экономии². Под структурной силой (*structural power*) она понимала возможность создавать свои правила игры, по которым действуют другие, в том числе и не в последнюю очередь — профессора вузов по всему миру. При этом данный элемент структурной власти, по ее мнению, так же важен, как и три других (безопасность, производство и финансы).

В феврале 2023 года Объединенный комитет начальников штабов США представил Совместную концепцию конкуренции (*Joint Concept for Competing*), где отразил пространства международной конкуренции³, которые условно делятся на четыре основные группы: географические, доменные, тематические и когнитивные. Под когнитивными подразумеваются следующие сферы: идеология, образование, информация и инновации. Под тематическими — формирование глобальной повестки по направлениям: глобальный порядок, международные рынки, климат, гуманитарная безопасность, медицина, технологии и экстремизм.

Важную роль контроля за распространением знаний подчеркивают и представители критических теорий. Например, Й. Галтунг говорит о формировании «ложного сознания» и «умении подавлять свои собственные подлинные интересы, что может быть основной частью социализации в целом и образования в частности»⁴. О культурном империализме и гегемонистском контроле над дискурсом пишет А. Грамши⁵.

По сравнению с другими элементами структурной власти контроль над механизмами распространения знаний, пожалуй, самый неочевидный, поскольку знания неосозаемы. Тем не менее можно выделить основные элементы структурной силы и гегемонист-

ских иерархий коллективного Запада в этой сфере и обозначить основные пути наращивания соответствующего незападного потенциала в контексте развития БРИКС.

В заголовок данного доклада вынесен нарратив «провинциальной науки», который блестяще описан в работе двух антропологов из Санкт-Петербурга М. Соколова и К. Титаева под названием «Провинциальная и туземная наука»⁶. Авторам удалось в очень тонкой и ироничной форме этнографического наблюдения по сути высмеять наиболее явные недостатки как «провинциальной», так и «туземной» науки.

Под первой они понимают тех исследователей, дискурс которых вторичен по отношению к «столичному», причем «столичной» для большинства наук до Второй мировой войны являлась Германия, а после — США и Великобритания, с коротким обретением «столичности» Парижем в 1960–1980-е годы. Риску предположить, что по окончании «властного транзита»⁷ после кардинальных международных трансформаций интеллектуальная «столица» мира сменится в очередной раз... По словам М. Соколова и К. Титаева, «для провинциальной науки именно посещение интеллектуальных салонов метрополии является основным маркером статуса»⁸. Ценятся также формальные «признаки личной близости к столичной науке» — длительные «столичные» стажировки и командировки, «культ... физических визитов столичных знаменитостей» и др.⁹ При этом отмечается «хронический дефицит важности, которую ее представители придают работе друг друга»¹⁰. В самом деле, зачем, ведь «соседи по цеху» — это «провинциалы»!

Другая крайность — это так называемая туземная наука, предполагающая «постоянное вытеснение факта существования столичной»¹¹ и усиление тенденции к регионализации и национализации научной коммуникации. При этом в условиях инфраструктурно обусловленной изоляции признаются только локальные авторы, высока доля самоцитирований, заметно обилие наукообразной лексики, многие исследователи, что называется, «варятся в собственном соку», нет надежных механизмов верификации научных знаний. Применительно к контексту БРИКС здесь можно отметить и незначительную долю от общемировых исследований, выходящих на соответствующих языках — это касается и русского, и португальского (для Бразилии),

¹ Главный редактор «Ученых записок Института Африки», профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор МГИМО МИД России, доктор политических наук, кандидат экономических наук. Автор более 300 научных публикаций по вопросам глобального управления, конкуренции США и КНР, Африки и «Глобального Юга», западных общественных теорий. Редактор монографий: «Миротворчество в многополярном мире», «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации», «Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ», «Африка и формирование новой системы международных отношений».

² См.: *Strange S. States and markets*. L.: Continuum, 1994. P. 119–138.

³ См.: *Joint Concept for Competing*. Joint Chiefs of Staff document. 2023. Febr. 10. P. 13. URL: <https://news.usni.org/2023/03/09/pentagons-joint-concept-for-competing> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ См.: *Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research*. 1971. № 8 (2). P. 82.

⁵ *Грамши А.* Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. Т. 3: Тюремные тетради.

⁶ *Соколов М., Титаев К.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

⁷ *Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цык А. В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Международные отношения»*. 2021. № 21 (2). С. 210–231.

⁸ *Соколов М., Титаев К.* Указ. соч. С. 254.

⁹ Там же. С. 257.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же. С. 259.

и арабского, и амхарского. То есть здесь важен эффект масштаба, наличия международных научных коммуникаций незападного мира, которые могут сформировать структуры БРИКС.

Существующая международная научная среда достаточно иерархична, для нее характерны центр-периферийные отношения, причем, к сожалению, в 1990-е годы наша страна усиливала свою периферийность, а другие страны — члены БРИКС делали не всегда успешные попытки по ее преодолению. При этом страны так называемого центра сегодня уже не являются лидерами по целому ряду критически важных технологий, их обгоняют, например, КНР и Российская Федерация.

Однако их «центральность» обусловлена не только объективными факторами, то есть уровнем развития научных исследований в той или иной сфере, но и самой конфигурацией сети — системы международного академического сотрудничества. В сложившейся системе основная часть контактов идет через «центр», через его журналы, конференции, профессиональные ассоциации, библиометрические индексы.

«Властный транзит» (от западных стран к незападным), начало СВО, ближневосточный конфликт и другие события последних трех лет ставят под вопрос всю архитектуру гегемонистской пирамиды распространения «столичных» знаний, ведь «верхние этажи» вышеупомянутых иерархий занимают представители недружественных стран.

Более того, между западным и незападным миром развиваются процессы так называемого декаплинга (то есть разрыва). Наиболее всего данное явление получило развитие в технологической сфере, также активно развивается в экономической и политической, где формируются конкурирующие международные институты с похожим функционалом¹. Но происходит и фрагментация глобального информационного и, шире — ценностного² и академического пространств.

И, пожалуй, впервые в постсоветской истории столь остро встает вопрос о формировании суверенных общественных знаний. В естественно-научной среде роль нормативного (то есть идеологического) фактора ниже, и данная проблема не так актуальна. Кроме того, стоит задача частичной переориентации сети международного сотрудничества, формирования прямых научных связей стран БРИКС, замыкания их на западную научную инфраструктуру.

Важно при этом не впадать в уже описанные крайности как «провинциальной», так и «туземной» науки. Требуется хорошо владеть зарубежным (западным и незападным) дискурсом, уметь его не только адаптировать, но и при необходимости аргументированно деконструировать, предлагать альтернативные смыс-

лы³. Даже западные эксперты давно признают, что у их стран нет эксклюзива на современность, существует «множественная модерность» — российская, китайская, турецкая и т. д.⁴

Не надо бояться выдвигать альтернативные общественные концепции, ведь конкуренция — это именно то, что двигает науку. Если «единственно правильная концепция» окажется ошибочной, то альтернативы ей просто не будет⁵. Не стоит бояться конкурировать в доминирующей в сегодняшней науке англоязычной среде. Но для этого необходимо иметь свои элементы структурной силы, а именно — ведущие научные журналы, выходящие одновременно на русском, английском и китайском языках, языках других стран БРИКС, и, главное — мощные издательские холдинги, публикации в которых должны стать *sin qua pop* для любой серьезной научной или образовательной программы. Необходимо сопряжение библиометрических систем стран БРИКС. У нас это РИНЦ, есть попытки создать другие системы. У КНР это CNKI (China National Knowledge Infrastructure), у арабских стран — Al Manhal.

Фактически сегодня уже идет «ползучее» признание журналов друг друга. Например, многие российские журналы начали индексироваться в CNKI, соответственно многие китайские авторы стали с большим интересом в них публиковаться, ведь это теперь засчитывается в их показателях научной результативности. С похожими предложениями к нам обращаются, например, коллеги из ЮАР и других стран Африки.

Однако здесь необходимы более системные меры. Не должно быть полной симметрии, но по всем основным элементам структурной силы коллективного Запада в сфере формирования и распространения знаний должны появиться соответствующие серьезные западные инструменты, в том числе на базе БРИКС. Причем между западными и незападными издательствами и журналами вполне может развиваться здоровая конкуренция — это лишь будет двигать вперед глобальную академическую науку. Главное — преодолеть асимметричные взаимозависимости (по Р. Кохейну и Дж. Наю⁶), когда мы зависим от публикаций в западных издательствах, которые приобрели по сути квазиглобальный характер и при этом никак не зависят от нашей структурной власти в данной сфере, которая пока находится на начальном этапе формирования.

Совместными усилиями западные страны — члены БРИКС могут сделать многое в сфере совместного развития общественной науки, при этом ключевую

¹ См.: Clark R. Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // International Organization. 2021. № 75 (4). P. 1133–1153.

² Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2022. № 22 (2). С. 352–371.

³ Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Ч. 2 / Р. Н. Лункин, Гу Хо Ом, Д. А. Дегтерев [и др.] // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. «Международные отношения». 2023. № 16 (4). С. 428–436.

⁴ См.: Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 129 (1). P. 1–29.

⁵ Переслегин С. Б. Эффект «чужого поля»: российская наука в англосаксонском когнитивном пространстве // Экономические стратегии. 2017. № 8. С. 63–64.

⁶ См.: Keohane R., Nye S. Power and Interdependence. N. Y. : Longman, 2012.

роль может сыграть Россия как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава», обладающая уникальными воз-

можностями для «культурной триангуляции»¹, то есть обобщения опыта стран и народов Европы, Азии, Африки, что признают и зарубежные эксперты².

¹ Концепция внешней политики РФ. 31 марта 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 21.02.2024).

² См.: *Mine Y.* The Global Demographic Change and Africa–Asia Relations: Beyond Big Power Summits // *Africa and the Formation of the New System of International Relations. Vol. II : Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-pandemic World* / eds A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Palgrave Macmillan Cham, 2023. P. 48–49.